

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина
Санктпетербург. Одиннадцать томов MDCCCXXXVIII-MDCCCXLI

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ

Поэмы: "Руслан и Людмила", "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан",
"Братья-разбойники".

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах
Под общей редакцией Ф. М. Головенченко
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Том III. Статьи и рецензии 1843-1848
Редакция В. И. Кулешова
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

Нельзя ни с чем сравнить восторга и негодования, возбужденных первую поэмою Пушкина - "Руслан и Людмила". Слишком немногим гениальным творениям удавалось производить столько шума, сколько произвела эта детская и нисколько не гениальная поэма. {355} Поборники нового увидели в ней колоссальное произведение, и долго после того величали они Пушкина забавным титулом певца Руслана и Людмилы. Представители другой крайности, слепые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены в ярость появлением "Руслана и Людмилы". Они увидели в ней все, чего в ней нет - чуть не безбожие, и не увидели в ней ничего из того, что именно есть в ней, то есть хороших, звучных стихов, ума, эстетического вкуса и, местами, проблесков поэзии. Перелистуйте от скуки журналы 1820 года, - и вы с трудом поверите, что все это писалось и читалось не более как каких-нибудь двадцать четыре года назад... И это относится не к одним порицательным, но и к хвалительным статьям, которыми наводнились журналы того времени вследствие появления "Руслана и Людмилы". Впрочем, подобное явление столько же понятно, сколько естественно и обыкновенно. Люди, которым не дано способности углубляться в сущность вещей, разделяются на староверов и на верхоглядов. Первые стоят за старое и следуют мудрому правилу: все старое хорошо, потому что оно - старое, а все новое дурно, потому что оно - новое; вторые стоят за новое и следуют мудрому правилу: все новое хорошо, потому что оно - новое, а все старое дурно, потому что оно - старое. Несмотря на всю противоположность этих двух партий, они очень похожи одна на другую, потому что источник их воззрения, при всем своем различии, один и тот же: это - нравственная слепота, препятствующая видеть сущность предмета. Староверы, как люди всегда дряхлые, если не годами, то душою, управляются привычкою, которая заменяет им размышление и избавляет их от всякой умственной работы. Привыкнув с молодости слышать, что такой-то писатель велик, они не заботятся узнать, почему он велик и точно ли он велик, и готовы считать безбожником всякого, кто осмелился бы усомниться в величии этого писателя. Таким-то образом, до появления Пушкина, у наших словесников слыли за великих писателей Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин, Петров, Херасков, Богданович, - и в их глазах Державин по тому же самому был велик, почему и Сумароков с Херасковым, то есть по неоспоримому праву давности, а совсем не потому, чтоб они умели чувствовать и постигать красоты его поэзии. У кого есть эстетический вкус и кто способен находить красоты в Державине, тот уже не может восхищаться Сумароковым, Херасковым или Петровым, - а словесники, о которых мы говорим, равно благоговели перед Сумароковым и Херасковым, как и перед Державиным; Ломоносова же считали одни наравне с Державиным, другие ставили выше Державина, а третьи оставались в недоумении, кому из них отдать пальму первенства. Ясный знак, что всеми этими мнениями управляла привычка, одна привычка, и больше ничего... Каково же было дожить этим старым детям привычки до такого страшного поругания, когда общий голос публики нарек знаменитым поэтом какого-то Александра Пушкина, который, по метрическим книгам, жил на свете не более двадцати одного года! К вящему соблазну, реченный Пушкин осмелился писать так, как до него никто не писал на Руси, возымел неслыханную дерзость, или паче отъявленное буйство - итти своим собственным путем, не взяв себе за образец ни одного из законодателей парнасских, великих поэтов иностранных и российских, каковы: Гомер, Пиндар,